

Георг Стражнов

Хаенко Светлана Ивановна (попытка воспоминаний)

Вот уж кто действительно соответствовал своему имени — так это Светлана Хаенко. Она была человеком, излучающим свет. В круге этого света каждый, кому посчастливилось общаться с ней, ощущал себя спокойно, уютно и достойно. Она сразу умела задать беседе такие рамки, при которых все низкое, пошлое, мелкое отпадало само собой. Она была классическим русским интеллигентом, типом человека, почти уже и не встречающегося в наше время.

Ее облик

Почему хочется сразу описать ее внешность? Да потому, что каждый, кто впервые сталкивался с ней в самых разных ситуациях, не мог не обратить на нее внимание. И не потому, что она была высокого роста — в Латвии много высоких женщин. А потому, что она была очень «светлой». Она сразу обращала на себя внимание именно внешне. Мы познакомились в начале 70-х. Ей было немногим за тридцать, мне — за двадцать. Она производила впечатление статусной дамы. И это не только, повторяю, из-за ее высокого роста, приумноженного высокими каблуками, — она не старалась казаться ниже. Главное — она была всегда оригинально и со вкусом одетой, всегда в чем-то светлом. Летом — почти белом, в чем-то просторном,

«летающем». Осенью-зимой она меняла гамму своих нарядов на светло-кофейный, оливковый. Прямая спина, туфли на шпильках, ровная, доброжелательная манера общения, в серебряных кольцах и запястьях тонкая рука. Нас познакомили Шегельманы, Юла, жена известного графика Семена, была старой приятельницей «Светки». Так что мы как-то сразу коротко сошлись и стали часто встречаться.

Мы с женой были нередкими гостями в их огромной квартире, в которой она жила с многочисленными домочадцами, на третьем этаже по улице Фрича Гайля (теперь Алберта) в изысканном, с серым фасадом доме № 4, архитектурной фантазии Михаила Эйзенштейна. Именно там, еще задолго до моды на югендстиль, Светлана с моей женой прямо на элементах лепнины иковки лестничной клетки разбирали детали этого стиля, которому через десяток лет суждено было стать визитной карточкой Риги. Светлана, весь ее облик, как нельзя лучше подходил к югенду. Ее платья с широкими юбками, ее просторные пальто, украшенные

затейливыми вышивками и аппликациями — все было из «той жизни». Эти пальто и пончо ей шила подруга. Всегда в исключительно «рижских» сероватых тонах с вкраплениями лилового, она была совершенной дамой. Женщиной, в которой безошибочно читались черты рижанки, в самом своем облике несущей приметы прекрасного города. В своей одежде она была исключительно живописна, исповедовала фольклорный стиль. Введенный в моду стиль «кантри» или «фолк», как она говорила, английским дизайнером Лорой Эшли в 60-е годы, этот стиль в одежде Светлана сохранила до последних дней. Поэтому так часто использовала (а шила она сама) и народные ткани ручной работы, и кружева, а в украшениях, и кавказское серебро и авторские работы местных ювелиров. Еще она очень любила латгальскую керамику. Она обожала народные промыслы.

Ее профессия

Светлана Хаенко войдет в историю Латвийского искусства как автор целого ряда художественных альбомов, ставших сегодня библиографической редкостью.

Здесь и книга о скульпторах Лье Буковском и Виктории Пельше, живописцах Бируте Баумане и Артуре Никитине, графике Елене Антимоновой, знаменитом мастере по металлу Хайме Рысине, альбом-исследование о еврейских художниках Латвии, и, конечно же, удивительный альбом-исследование «Рига. Портрет Старого города», в котором собрано около 200 работ разных мастеров, рисовавших Ригу в течение четырех столетий.

Художники всегда с вниманием и уважением относились к ее оценкам. В русскоязычной прессе Латвии, среди тех, кто пишет о художниках и выставках, она была, кажется, единственным профессиональным искусствоведам. В 70-е случилось так, что мы оба почти одновременно пришли работать на радио. Я — редактором, она — внештатным автором в отдел культуры. Наша личная «radiostory» продолжалась аж семь лет и завершилась тоже одновременно. А в тот период — с 1975-го по 82-й мы встречались едва ли не ежедневно — в 10 утра за утренним кофе в баре «Кирпич» — так Светлана обозвала безымянный буфет министерства коммунального хозяйства ЛССР, что был в соседях с Радиодомом на Домской площади.

Это название он получил от Светланы за его терракотовые нештукатуренные кирпичные стены. Так вот, пить кофе в «Кирпичике» — это стало для нас почти ритуалом. Теперь такие посиделки называются «кофебрэйк». Там, за полированными темно-зелеными столами мы проводили с полчаса, обсуждая новости и планы на день. Второй раз мы спускались туда где-то часов в пять, уже перед самым закрытием заведения. Барменша Люба благоволила нам и разрешала задержаться и после закрытия, пока приводила в порядок бухгалтерию. Это было время, когда мы могли, сбегаая от рутины, принадлежать сами себе — своего рода вид внутренней эмиграции. Там мы забывали о речах Брежнева, о материалах очередного партсъезда, которые необходимо было изучать, об откликах на очередные «гениальные» решения Партии. Художественная жизнь в Риге была тогда очень яркой. Все крупные художники были полны сил и работали очень интересно. Именно искусство оставалось той маленькой отдушиной в идеологически спертom воздухе социального пространства позднего Союза. Несмотря на массу ограничений — идеологических, финансовых, технических — Светлана была полна идей и, сколько я ее помню, всегда работала над очередным альбомом-монографией.

Затем, в 80-е мы оба «синхронно» покинули стены Радиодома. Светлана ушла в журнал «Rīgas Modes» русским редактором, а я в рекламу. Естественно, мы стали встречаться реже, но регулярно, поскольку для съемок рекламы мы часто использовали манекенщиц из Рижского дома моделей. Встречались всегда в каких-нибудь кафе, которых было много вокруг редакции журнала «Rīgas Modes», где теперь находится «Salons A» на Калькю. Позже — регулярно в Киногалерее, где мы с ней совместно устраивали выставки. В том числе и многим знакомым художникам — Лене Антимоновой, Зое Гераскиной, Ивану Пустошкину, Георгию Зерницкому, Иосифу Эльгурту, Хайму Рысину, Гоче Хускивадзе, Валерии Шуваловой и другим. Она порой находила, вытаскивала из забвения, удивительных художников и помогала им. Так, например, она открыла рижской публике имя своеобразного живописца Михаила Штильмана. Ему было уже за сорок, когда у нас в Киногалерее состоялась его первая и, очевидно, единственная персональная выс-

тавка. Надо отметить, что делала она все это совершенно бескорыстно, действительно, из любви к искусству. Так, уже в новое время, она помогала уже стареющим одиноким художникам, приносила им продукты, лекарства. В конце 90-х мы с ней завели обычай — хотя бы раз в месяц бросить все дела и посвятить несколько часов друг другу, сходить вместе на новую выставку, а потом посидеть где-то за чашкой кофе с коньячком, обсудить новости, просто поговорить.

Она была, конечно же, исключительный профессионал, искусствовед с прекрасным чувством стиля, с хорошим слогом. Она была настоящим интеллигентом. Нет человека, который мог бы о ней сказать плохо. Незлобивость, отсутствие зависти, ревности, вздорных амбиций сделали ее любезной сердцу самых непохожих людей. Художников, с их нервом, гонором, сложными характерами — она умела своей добротой и открытостью умиротворить, не разжигая в них мучительных страстей. Все лучшее, что мы вкладываем в понятие «русский интеллигент», присуще ее характеру — хорошее образование, вкус, стремление избежать всякой склоки, конфликта, искусство общения с самыми разными людьми. И, конечно же, абсолютное бескорыстие во всем.

Ее друзья

Таковыми же были и ее близкие подруги — ювелир и акварелист, ушедшая несколько лет назад Ливия Андриякайтис, скульптор Виктория Пельше, органистка Евгения Лисицына. Это был круг второго поколения шестидесятников, рожденных в годы войны, уходящая натура «золотого десятилетия» русской интеллигенции XX века. Эти люди узнаются по тому, что продолжают жить исключительно высоким искусством, вне мелких бытовых интересов. Конечно, мы говорили с ней и о болезнях детей, и о каких-то семейных проблемах, но главным в наших разговорах оставались все-таки высокие материи. Наши разговоры всегда касались только проблем искусства и культуры. Дело в том, что и в то время круг людей, с которыми можно было поговорить «о высоком» был не слишком широк. В 70-е годы он, этот круг, за счет уехавших в эмиграцию сузился еще больше. Уехали Шегельманы, Уласевичи, Ребовские, Лебедевы, Героли и еще целый ряд ярких личностей, блестящих персонажей

рижской богемы того времени. Начал ощущаться естественный интеллектуальный голод, помноженный на оторванность от Метрополии. Но все это были лишь «цветочки» по сравнению с тем, что представляет собой сегодня совершенное «безрыбье» века 21-го.

Ее миссия

С уходом таких людей, как Светлана Хаенко, исчезли люди и отношения того высокого класса, которое известно всему миру, как «русская интеллигенция». На смену им пришла сегодня совершенно другая публика, другие разговоры, интересы и отношения. Это были «апостолы», бессребреники, которые бескорыстно (не будем же мы называть эти гроши — зарплатами) передавали знания о классическом культурном наследии следующим поколениям местной русской молодежи. Уже в 90-х преподаватели вузов столкнулись с тем фактом, что выпускники школ выходят в жизнь элементарно необразованными людьми. Тому много причин — и перегрузка детских мозгов всяким информационным мусором, и снижение престижа образования и культуры в целом, и кризис семьи в новых экономических реалиях. И вот такие люди, среди которых была и Светлана Хаенко, повели борьбу с общей «попсовизацией» молодежи. Она столкнулась с такой же проблемой, с какой в прошлом веке столкнулись, очевидно, старые профессора, когда после революции 1917-го года в университеты пришел новый класс студентов — солдаты, матросы и крестьяне. И нужно было перебороть и косность, и самоуверенность, и амбиции молодых людей и все-таки дать им какие-то знания и наметить вехи в понимании культуры. «Дети», как она называла своих учеников и студентов, обожали ее. Ведь она подарила им такое богатство, которое невозможно отнять, но можно приумножить. Ее миссия оказалась выполненной — она прекрасно справилась с теми обязательствами, которые взяла перед собой и перед Богом.

P.S.: Когда я писал эти воспоминания, я попросил Юлу Шегельман написать несколько слов о Светлане. Вот, что она прислала мне по скайпу из Канады. Постарался максимально сохранить стиль и орфографию.